

— Послушай, главарь, мы сегодня столько провизии добыли, не пора ли вечером побаловать народ, а то у всех уже слюнки текут, — подал голос кто-то.

— Только о еде и думаешь. Скоро зима. Если так безалаберно жрать и пить напропалую, к следующему году от людей и следа не останется. Быстро же вы забыли, как пережили прошлую зиму, — голос звучал спокойно, но властно, принадлежал он тому самому бородачу.

Наступила тишина, все опустили головы и молча принялись выскребать ложками уже давным-давно опустевшие миски.

Прошлая зима выдалась не из легких — в этом сомневаться не приходилось.

— Как тебя зовут?

Это бородач обращался к нему.

— Шэнь Лан.

— Имя вполне приличное, похож на живого человека, а не на призрака, — вокруг раздались смешки.

— Заткнитесь, — подала голос стоявшая рядом девушка, и те, кто только что хихикал, мгновенно притихли.

— Какого черта тебя занесло под землю?

Выходя из базы, Шэнь Лан уже обратил внимание на то, что это убежище действительно было зарыто глубоко под землей. Неудивительно, что там царила вечная непроглядная тьма и не было ни лучика солнца. Если бы эти люди не выкопали его, он бы попросту оказался заживо погребен. А вот как он туда попал — одному Богу известно.

— Я очнулся уже там.

— Бред собачий! Я спрашиваю, как ты туда проник? Почему внутри был только ты один и что за хрень с этими гробами?

Под гробами он подразумевал те самые криогенные камеры.

— Я не знаю.

— А что ты вообще знаешь?

— Ничего. Я просто очнулся там.

— Мать твою, если ты сейчас же не выдашь хоть что-нибудь членораздельное, я пристрелю тебя нахрен! — тощий мужчина рядом с бородачом резко вскочил на ноги и приставил пистолет прямо к голове Шэнь Лана.

— Раз говорю — не знаю, значит, не знаю. Я и сам бы с радостью узнал, как туда попал, так что пускай ты меня — толку не будет.

Окажись дуло пистолета прямо перед его глазами раньше, Шэнь Лан, пожалуй, со страху намочил бы штаны. Но теперь, когда ствол упирался ему прямо в лоб, он почему-то осмелился дерзить. Человек, однажды побывавший на пороге смерти, определенно набирается храбрости.

— Хватит, Капсюль, садись.

Поняв, что от Шэнь Лана ничего не добиться, бородач достал из кармана листок бумаги и произвел смотр:

— Вот список добычи с нашей сегодняшней вылазки. Братья трудились столько дней не зря. Продовольствия, захваченного во время этой раскопки, должно хватить, чтобы пережить зиму.

— Ура-а!..

— Отлично!

Вокруг раздались радостные возгласы. Когда галдеж немного утих, бородач поднял обе руки, призывая народ к тишине, и продолжил:

— Но самая важная вещь — оружие — не найдена вообще. К тому же наша сегодняшняя масштабная вылазка, боюсь, уже привлекла внимание тех тварей. Хотя на обратном пути мы тщательно затерли все следы, у этих ублюдков чутье лучше собачьего, не заметить нас они не могли. Как только наступит зима, в поисках поживы они вполне могут заявиться к нам. С сегодняшнего дня всем держать ухо востро и уделять внимание каждой мелочи. Капсюль, немедленно перераспредели патрули, зону дозора увеличить вдвое, слепых зон быть не должно круглосуточно. Заснул на посту — лишаешься суточной пайки. Ступай займись этим прямо сейчас.

Капсюль коротко бросил в ответ подтверждение, поднялся и вышел, на прощание бросив на Шэнь Лана свирепый взгляд.

— Старый Дракон Яда, твоя задача — взять часть припасов со склада и перераспределить заново, лимит патронов на каждого увеличить вдвое. Тщательно проверь всё огнестрельное оружие. Обнаружил неисправность — тут же устраняй, а то, что починить нельзя, меняй.

Особенно те старые пулеметы Максима и те, что на возвышенности, в решающий момент они не должны дать осечку.

Сидевший напротив Шэнь Лана сгорбленный мужик молча поднялся и вышел. На вид ему было около шестидесяти: орлиный нос, один глаз сверкает хищным блеском, а в другой глазнице красуется стеклянный шарик.

— Ху Кэ, с завтрашнего дня усиль тренировки. Пусть эти щенки сейчас прольют больше пота и крови, чем потом станут кормом для монстров.

Так ее звали Ху Кэ. Коротко стриженная девушка рядом с Шэнь Ланом что-то ответила, но выглядела слегка рассеянной. Зато вокруг послышались испуганные вздохи. Надо же, она оказалась инструктором, причем, судя по всему, весьма суровым.

— Каким оружием владеешь? Убивал людей?

Внезапно спросила Ху Кэ, глядя прямо на Шэнь Лана. Сидевший напротив бородач тоже устремил на него вопрошающий взгляд.

— Я охотился с ружьем, — немного смущенно ответил Шэнь Лан, а затем добавил: — Стреляю я метко, птицу бью без промаха — один выстрел, одна дичь.

Второй вопрос он просто пропустил мимо ушей. Хотя суд и признал его виновным в убийстве, о том, чтобы действительно кого-то лишить жизни, он даже в страшном сне не помышлял.

Вспоминая то охотничье ружье, что служило ему верой и правдой столько лет, Шэнь Лан приобрел его на черном оружейном рынке этого города. Город был небольшим и ничем особо примечательным не славился, но вот его теневой рынок оружия гремел на всю округу. В основном там циркулировал антиквариат времен Первой, Второй мировых и холодной войн — в наличии имелись модели практически на любой вкус, что неизменно привлекало массу коллекционеров и откровенных отмороzków. Торговля оружием породила множество сопутствующих отраслей, постепенно превратившись в градообразующий стержень. Власти смотрели на это сквозь пальцы: каждый новый мэр, заступая на должность, устраивал показушную чистку этого черного рынка, но неизменно спускал всё на тормозах. Свою мзду чиновники исправно получали, а давить рынок до конца означало пойти против всего городского населения. В конце концов, остальные сферы вроде туризма, общепита и прочего жили тянули именно из оружейной торговли. Прикрой эту лавочку — и экономика города покатится назад по меньшей мере на полвека, а сколько народу останется без куска хлеба, и вовсе страшно представить. Существование столь незаконного де-юре, но процветающего де-факто промысла оставалось главным источником левых заработков для чиновников всех мастей: вредить делу и себе ради призрачной справедливости станут разве что дураки.

Далее бородач подробно распределил обязанности по тыловому обеспечению и прочим вопросам, после чего велел всем расходиться по местам. Напоследок, будто опомнившись, он бросил:

— Четырехглазый, покажи новичку тут всё, пусть обустроится. Ночевать будет на месте Черной Свины, а завтра отведи его к оружейникам, пусть подберет себе нормальный ствол.

— Понял, главарь.

Четырехглазый поправил очки, жестом подозвал Шэнь Лана следовать за ним и направился к небольшой комнатке под трибуной в западной части. Шэнь Лан бросил взгляд на коротко стриженую девушку и быстрым шагом последовал за проводником. Только сейчас он осознал, что ножка кролика всё это время намертво зажата у него в руке.

Шэнь Лан вслед за Четырехглазым вошел в небольшую стеклянную комнатку площадью около десятка квадратных метров. По сути, это было помещение бывшего автомата самообслуживания. Внутри стояли пахучие старые терминалы с разбитыми экранами, а на полу валялись две рваные рогожи, судя по виду, не видевшие стирки целую вечность.

— Тебя ведь Шэнь Лан зовут? Отныне это твоя лежбище, — Четырехглазый, худой и тщедушный парень, чьи огромные очки в черной оправе казались готовыми сорваться с носа в любой момент, указал на местечко у стены. — Я — Четырехглазый. А это место раньше принадлежало Черной Свинье. Видишь эту подстилку? Черная Свинья с таким трудом ее раздобыл, жаль только, парень невезучий оказался — не успел и пары дней попользоваться, как угодил в лапы к этим тварям. Зато теперь тебе досталось.

С этими словами он рухнул на соседнюю рогожу у дальней стены, и не прошло и пяти минут, как по комнате разнесся храп. Похоже, раскапывая их подземную базу, эти ребята вымотались до предела.

Хотя у Шэнь Лана оставалась еще тысяча и один вопрос, будить его в такой момент было совестно. Ладно, пускай отдохнет, а завтра он сам разберется, куда его угораздило попасть. Поднеся кроличью ножку к лицу, Шэнь Лан тихонько понюхал ее и предвкушающе облизнулся.

— Эй, ну как на вкус? Ароматно?

Оказалось, этот тип вовсе не спал.

При всей жалкости расставания с добычей, учитывая собственное положение новичка и тучу срочных требующих ответов вопросов, Шэнь Лан решил пожертвовать возможностью близкого знакомства с деликатесом ради высшего блага — будущих перспектив выживания. Сделав широкий жест, он протянул руку:

— Прожарено неплохо, угощайся.

В следующее мгновение ладонь Шэнь Лана опустела: кроличья ножка словно телепортировалась прямиком в рот Четырехглазого. Тот торопливо запихивал еду за щеки и

смачно жвал, опасаясь, как бы благодетель не передумал.

Глядя, как лакомство, по праву принадлежавшее ему, безжалостно уничтожается
Четырехглазым, Шэнь Лан чувствовал себя хуже некуда. Только бы не подавился, мрачно думал он, не хватало еще трупов в первый же день его прибытия.

Громко и смачно рыгнув, довольный Четырехглазый из-за стекол очков уставился на него посвежевшими глазами.

— Слушай, ты кто вообще такой и как тебя угораздило в одиночку сунуться в такую жуткую дыру?

— Я же говорю: понятия не имею, очнулся там — и всё.

— Сказал как отрезал. Толку ноль.

— Я правда не знаю. Какой сейчас год?

— Какой еще год? Второй год с тех пор, как я здесь появился.

Шэнь Лан еще не слышал, чтобы кто-то так отвечал на вопросы, и терпеливо пояснил:

— Я имею в виду по христианскому летоисчислению, две тысячи какой сейчас год?

— Чего ты мелешь? Какое еще летоисчисление?

Шэнь Лан лишь беспомощно моргнул. Похоже, этот Четырехглазый страдал не просто легкой придурковатостью. Пришлось зайти с другой стороны:

— Что это за место?

— Какое место? Это лагерь Громовой Птицы.

— Лагерь Громовой Птицы? Что это за место такое? Почему у каждого встречного огнестрел? Куда делись остальные жители города?

— Какие еще остальные? В этом городе кроме нас больше никого нет.

— Как такое возможно? Такой огромный город, неужели все люди перемерли?

Четырехглазый закатил глаза и посмотрел на Шэнь Лана как на идиота.

Шэнь Лан судорожно втянул воздух. Неужели это действительно мертвый город? А его родители? Девушка? Куда они пропали?

— Откуда у вас тогда столько оружия? Почему оно у каждого? — Шэнь Лан бросил взгляд на ствол за спиной Четырехглазого — это была винтовка M16A1, относительно неплохо сохранившаяся, хотя пластиковый приклад уже успел пожелтеть от времени. На тощей фигуре Четырехглазого длинный ствол смотрелся комично.

— Без оружия тут только ждать смерти. Странные у тебя вопросы, парень. Ты часом не амнезией маешься? Или тебе голову дверью прищемило?

Амнезия? Шэнь Лан замер. Собственную первую половину жизни он помнил кристально ясно, вот только воспоминания эти ни на йоту не вязались ни с нынешней эпохой, ни с окружающей реальностью.

— А ты сам как сюда попал? Неужели тоже проснулся в том бункре, как и я?

— Чего ты бредишь? Кто в здравом уме станет просыпаться черт знает где? Я бежал сюда вместе со своим родом при переселении. По дороге нас атаковала стая тех чудищ, выжили лишь единицы. Брат Ху Фэн приютил нас. Ху Фэн — это тот бородач.

— Что за монстры?

— Иностранцы! Ты что, с ними не сталкивался еще? Здесь их царство.

— Иностранцы?

— Ну, те самые тваги, что не делают ничего хорошего, а только жрут людей. Скоро сам увидишь.

— Говоришь, они едят людей?

— Они жрут всё подряд, включая людей. Моих отца, мать и двух братьев сожрали они.

— Прости... я не хотел спрашивать об этом.

— Пустяки. Не исключено, что однажды и тебя сожрут.

Шэнь Лан чуть не прикусил язык. Впервые ему доводилось слышать столь своеобразное

утешение.

— Как они выглядят? Откуда взялись?

— Ну, похожи на нас: голова, руки, ноги, только лица страшнее. Откуда они взялись, никто не знает.

Монстры на каждом шагу, которые к тому же едят людей. Неужели он угодил в самый настоящий ад, в загробный мир? Неужели он на самом деле мертв? Шэнь Лан на миг выпал из реальности.

— Ты чего завис? Кем ты работал раньше? — с любопытством спросил Четырехглазый.

— Да так... Инженер-химик. Обычный офисный планктон: от звонка до звонка, дом-работа.

У него не было грандиозных амбиций — самый заурядный обыватель. Родители живы, детей пока нет, невеста... они просто планировали пожениться, завести уютное гнездышко и жить просто и счастливо. Но один росчерк судебного пера безжалостно вырвал его из привычной колеи.

— Какой еще офисный планктон? Что за звонки такие? — недоумевающе заморгал Четырехглазый. Шэнь Лан мог только закатить глаза: объясняться с местными обитателями оказалось делом неблагодарным.

— Ты сказал, что вашего главара зовут Ху Фэн. Они с Ху Кэ родственники?

— Нет. Ху Кэ тоже новичок. Говорят, однажды во время стычки она случайно оказалась рядом и спасла главарю жизнь. А поскольку своего имени она вспомнить не смогла, то просто взяла фамилию главаря.

Не помнит даже собственного имени... Похоже, чудаков здесь хватает и без него.

— Слушай, братец, а мне показалось, та девчонка Ху Кэ к тебе равнодушна, — заговорщицки подмигнул Четырехглазый. — Она ведь с нами всегда холодна и высокомерна, лишнего слова не вытянешь. А с тобой вон как возилась. Хе-хе, так твой прежний офисный планктон, видать, означал смазливую мордашку, да?

В этот момент Четырехглазый в своей панорамной черной оправе выглядел донельзя похабно.

— Она у вас инструктор?

— Ага. Но боец из нее отменный, зуб даю. Иначе эту строптивость никто бы не терпел столько времени. За те полгода, что она здесь, все парни слюни пускают. Особенно Капсюль — увивается за ней дни напролет, а она на него и смотреть не желает.

Капсюль — тот тощий тип. В памяти Шэнь Лана всплыл взгляд этого головореза, готового содрать с него шкуру живьем. Выходит, едва появившись здесь, он нажил себе кровного врага.

— Ладно, братец, раз мы так хорошо сошлись, открою тебе страшную тайну. Только никому ни слова! — Четырехглазый зыркнул по сторонам. Похоже, кроличья ножка обладала поистине волшебной силой, раз скрепила их дружбу до уровня секретных гостайневых откровений.

Убедившись, что Шэнь Лан согласно кивнул, Четырехглазый подтащил его к одному из терминалов, с усилием отодвинул его в сторону, обнажив в стене за ним проем. Там оказался тайный схрон, в котором вполне могли поместиться два-три человека.

— Видал? Местечко первоклассное! Знаешь, почему я уже больше года сижу в этой коморке и носа не кажу наружу? Спорим, даже Гуй Ли не найдет это убежище. Мы с покойником Черной Свиньей два месяца потихоньку долбили эту стену. Жаль только, парень погиб, а плоды трудов достались тебе.

Схрон был прекрасно замаскирован: лаз шириной примерно в человеческие плечи и высотой с полметра вел в углубление, где пол находился на полметра ниже, чем в комнате. Оттуда разило затхлостью и сыростью, но в качестве убежища это место годилось идеально.

— Ты упомянул Гуй Ли... кто это?

— Главарь инородцев. На его счету бесчисленное множество жизней наших людей. Те, кому посчастливилось уцелеть, говорят, что его кожа не берется ни клинком, ни пулей, а двигается он бесшумно, как дух, отсюда и прозвище — Гуй Ли. Раньше здесь насчитывалось с десятков лагерей разного размера, но после появления Гуй Ли некоторые из них были стерты с лица земли подчистую, а уцелевшие объединились под началом брата Ху Фэна. Раньше к нам часто прибывались беглецы-новички поодиночке или группами, но вот уже несколько месяцев никто новый не появлялся. Ты — первый за долгое время.

Шэнь Лан мысленно представил себе существо: голова, руки, ноги, передвигается на двух ногах, неуязвимо для оружия, невероятно быстрое и пожирающее людей. Совсем не похоже на земную фауну. Неужели Землю захватила инопланетная цивилизация? И сколько же времени прошло с той эпохи, в которой жил он сам?

Дальше начался сольный стендап Четырехглазого. Его явно обуревало жгучее любопытство насчет того, каким образом Шэнь Лан угодил в те руины, и он намеревался докопаться до истины, едва не выудив на свет божий прошлое Шэнь Лана как приговоренного к смертной казни. Опасаясь сболтнуть лишнего, Шэнь Лан был вынужден притвориться спящим.

Огромные зловещие боевые корабли медленно опускались с небес. Разрушительные энергетические лучи выжигали всё на своем пути, раскаляя землю добела. Здания вдоль улиц рушились одно за другим, погребая под собой всё живое, и сама земля стонала под этим ударом. Следом за разрушительным шквалом из кораблей хлынули полчища гуманоидных, но отвратительно уродливых пришельцев. Их оружие разило наповал, словно коса жнеца косила спелую пшеницу, а после они принимались за трапезу, аппетитно разделявая человеческие тела. Шэнь Лан невольно вспомнил ту кроличью ножку. Чудища жрали мясо и при этом таращились на него зелеными блестящими глазёнками. Почему они смотрят на него? Почему он не может шевельнуться? Куда делись его ноги? Неужели они едят его собственные ноги?!

— А-а-а-а-х! — с диким криком Шэнь Лан вскочил в холодном поту.

Глаза резало от яркого дневного света — наступило утро.

Под лучами палящего солнца лагерь жил своей суетой: группа бойцов проводила утреннюю разминку, а командовала ими Ху Кэ. В животе нещадно урчало от голода, но спрашивать о завтраке Шэнь Лан постеснялся и решил перетерпеть.

Прищурившись, он поднял голову к долгожданному синему небу. Небо казалось чистейшим сапфиром, по которому плыли ленивые белые облака. В его собственных воспоминаниях небеса вечно были затянуты какой-то серой пеленой и никогда не сияли с такой пронзительной чистотой.

Неподалеку от его укрытия располагалась кузня, откуда доносился мерный перестук молота. Шэнь Лан слышал этот звук с самого пробуждения, и после гробовой тишины подземного бункера он казался то резковатым, то на удивление родным.

Внутри кузни трудились двое с обнаженными торсами — старик и юноша. Старший, с кожей цвета горького шоколада и телом, покрытым бугристыми мышцами и шрамами от искр раскаленного металла, напоминал пятнистого леопарда. Меньший, тощий и долговязый, молча и усердно жал на меха, раздувая горн. Вокруг валялись грубоватые готовые клинки, полуфабрикаты и груды неисправного оружия, сданного на починку.

Шэнь Лан приветливо махнул рукой и шагнул внутрь:

— Утро доброе! Я Шэнь Лан, новичок. Как вас величать?

— Зови меня просто Старик Лао Чжао, а это — мой парень, Балюу, — Старик Лао Чжао широко улыбнулся, блеснув двумя рядами белых зубов, источая простодушное добродушие.

Шэнь Лан автоматически подхватил со стола трехгранный штык — стандартную реплику

армейского образца, выкованную на совесть. Острие было выполнено с применением грубой сварки слоями металла, но оставалось достаточно острым. Три глубоких дола на лезвии предназначались для того, чтобы при ударе в тело штык за счет внутреннего вакуума мгновенно пропускал воздух, образуя пену в кровеносных сосудах и закупоривая их, а раны от такого оружия практически не затягивались. Человек, получивший удар подобным клинком, был обречен.

— Отличная вещица, — искренне похвалил Шэнь Лан, взмахнув штыком в воздухе.

<http://bllate.org/book/21118/2142782>